

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ПРОКРЕАЦИЯ

Д.В. РЕУТ

Современные исследования по теории роста человечества игнорируют существенный для стран Европейской культуры нюанс. В этих странах коренное население в результате «демографического перехода»¹ вовсе не «стабилизировалось», а с некоторых пор неуклонно уменьшается. В эту же группу прокреационного риска входит ряд стран славянско-православного культурного кластера (по Хантингтону), включая Российскую Федерацию. Их демографическая динамика год от года ухудшается.

«...в 1980 г. общая рождаемость в мире составила 4,02 ребенка на одну женщину (в развивающихся странах – 4,76, в развитых странах – 2,03, в СССР – 2,38, в РСФСР – 1,90). Для простого воспроизводства численности населения суммарный коэффициент рождаемости должен быть не менее 2,15 – 2,17»².

По прогнозу иорданского социолога и журналиста Файада Хусейна (перепечатанному в отечественных СМИ³) к 2025 г. численность мусульман в мире уверенно превзойдет численность народов христианской культуры: 30% мирового населения против 26% (в 2000 г. было всего 19,2% против 29,9%). Если и можно поставить под сомнение конкретные цифры, то общая тенденция представляется правдоподобной.

«К 2020 году население Европы и Северной Америки составит только 15 процентов населения мира»⁴.

Приведенные данные заставляют предположить, что прокреационные процессы в этих странах определяются более сложными механизмами и закономерностями, чем соотношение суммарной калорийности производимой биосферой пищи и количества едоков.

Гипотеза⁵, что непосредственной причиной «демографического перехода» развитых стран является рост информационных потоков в социуме, не подкреплена исследованием конкретных механизмов ограничения рождаемости. Предпринимаемое ниже рассмотрение места и роли информационных потоков в прокреационном процессе выявляет сложность их взаимовлияния, далекую от однозначности.

Под информацией в данной работе будем понимать «отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)»⁶. Использование знаков и образов – т.е. оперирование миром на уровне информационных отображений – существенно расширяет потенциал человека в сравнении с животными, предоставляя ему возможность построения отображений протекающих в мире объективных процессов трех типов: апостериорного, «зеркального» и априорного (проектного). Они могут различаться по

уровням детализации и вариативности. На темп прокреации они влияют позитивно (1), негативно (2) или нейтрально по отношению к нему (3). Приведем примеры.

1) Данные демографических исследований используются в социальном государстве при составлении планов социального развития, т.е. служат развитию прокреации.

2а) Западные эмиссары пытаются внедрять в развивающихся странах доктрину планирования семьи.

2б) Средства массовой информации развитых стран заполняются контентом, превозносящим достижение личного финансового успеха любой ценой, потребительство и эгоизм, сужая идею самореализации человека до богатства. При таком образе жизни прокреации остается все меньше места.

2в) В настоящее время генерирование контента и посредничество в информационном обмене составляют растущую область деятельности. Виртуальная реальность, живущая по собственным законам, становится все более значимым контекстом окружающего. Действия человека в виртуальном и реальном мирах взаимно расширяют и дополняют друг друга. О росте темпов этого взаимодействия мы можем судить по все более быстрым и неравномерным изменениям повседневности. Прокреация в турбулентной среде может замедляться.

2г) В практике Интернет-коммуникаций известны казусы нарушения функционирования узлов информационной сети вследствие массовых запросов на информационное обслуживание. Возможно, трансдисциплинарная экстраполяция этой феноменологии выразилась в гипотезе о сокращении прокреационной способности человека под действием добровольно воспринимаемых им информационных потоков. Поскольку мир познаваем, нет запрета на существование информационных режимов, позволяющих парировать отрицательные воздействия подобных процессов на прокреацию. Правда, это может потребовать затратных институциональных преобразований.

3) Исследователь может констатировать передачу определенного объема генетической информации при половом акте, предопределяющем рождение ребенка, публиковать свои оценки информационных характеристик этого интимного события и т.д., а может этого и не делать, от чего протекание естественных процессов в социуме не меняется.

Таким образом, информационные потоки обуславливают коллективные или/и индивидуальные действия, способствующие, противодействующие прокреации либо нейтральные по отношению к ней. Суммирование мощностей названных потоков без учета этого обстоятельства представляется некорректным. Численность популяции как текущий итог прокреационной деятельности определяется не только и даже не столько суммарной количественной

характеристикой приращений информационного фона, сколько следующими обстоятельствами.

I) Относительно устойчивыми структурными свойствами исторически складывающихся организованностей коллективных субъектов социума.

II) Относительно устойчивыми ценностными детерминантами мышления и повседневной деятельности индивидов, характеризующими текущие состояния социума.

III) Качественными характеристиками приращений информации.

IV) Тем, как эти приращения реально используются коллективными субъектами социума и каждым составляющим их рефлексирующим индивидом.

Представляется, что в настоящее время с большим отрывом преобладает значимость первого из перечисленных пунктов. Остановимся на нем подробнее.

Социокультурный анализ позволяет сформулировать **инвариант прокреационной состоятельности коллективного субъекта: прокреационная успешность коллективного субъекта обеспечивается, если центр прокреационной ответственности находится на уровне семьи**. В странах традиционной культуры это требование выполняется. Европейский широкомасштабный просветительский социальный эксперимент, начатый Великой французской энциклопедией, привел под лозунгом раскрепощения женщины к вынесению центра прокреационной ответственности на уровень государства. Прокреационный ресурс был экстрагирован из семьи включением женщины в общественное производство и употреблен на нужды промышленного прогресса и государственного строительства. В современном западном менталитете идеи свободы, равенства и братства выродились в эгоистический индивидуализм. Недаром влиятельнейший политик Китая 1970-х – 1990-х годов Дэн Сяопин на вопрос о том, как он относится к французской революции, ответил: «...рано судить». Депопуляция осуществляется, в конечном счете, вследствие того, что в развитии менталитета западной цивилизации реализовался эгоцентрический идеал в сочетании с убежденностью « в том, что “больше” означает “лучше”, что неограниченный рост... валового национального продукта способен осчастливить всех нас»⁷.

Становится очевидной ограниченность универсальности богатства как средства Марковского «универсального обмена».

Настает время рассматривать в качестве всеобщего знаменателя развития страны прокреацию. Сегодня предприятия по мере необходимости покупают рабочую силу на рынке труда и не включают в круг своих забот демографические вопросы, являясь в этом смысле реципиентами несущих их стран. Страны являются демографическими донорами и для собственных крупных городов. Прави-

тельства, не имея действенных рычагов влияния на прокреацию, пытаются управлять миграционными потоками в сиюминутных целях, не осознавая среднесрочных социальных и долгосрочных политических последствий сдвига этнического баланса. Мы говорим о прокреации, а не о демографии в целом, отделяя рождаемость от миграционных процессов, требующих собственных инструментов исследования.

Вопрос о социальной ответственности бизнеса периодически поднимается, но остается абстрактным, пока не понят и не реализован механизм достижения прокреационной успешности не-сущего этот бизнес субъекта — страны, региона.

Отдельное европейское государство не в состоянии решить проблему демографического баланса, поскольку находится в поле действия внешней для него прокреационно несостоятельной общеевропейской ментальности; ей оно не в силах противостоять. Работа по трансформации ментальности под силу только Европе, объединенной идеей восстановления прокреационной состоятельности.

Смогут ли широко обсуждаемые ныне индикаторы качества жизни служить индикаторами в контуре управления институциональными преобразованиями?

История исследований качества жизни на Западе и в России насчитывает не один десяток лет. В прошлом *западное качество жизни* носило, прежде всего, статус «неотразимого» идеологического оружия, которому противостоял «несокрушимый» социальный концепт *советского образа жизни*. С ослаблением повода для идеологических дискуссий интерес к теме не угас. Так, Общероссийский общественный совет по вопросам качества жизни граждан России в течение ряда лет, начиная с 2003 г., регулярно проводит свои международные форумы⁸.

Только в их материалах насчитывается около 50 существенно различающихся между собой определений качества жизни. В упомянутых работах велика доля результатов опросов и экспертных оценок. Они имеют значение лишь для констатации существующего положения, но не для определения целей развития, поскольку, согласно известной теореме К. Эрроу, коллективный выбор не может привести к устойчивому результату, если осуществляется манипулирование последовательностью голосований⁹.

В ходе дискуссий предпринимаются попытки конфигурирования статистических и поисковых индикаторов изучаемого феномена в убедительный комплекс или даже в единый показатель. Вопросы о целостности и полноте выдвигаемых предложений, как правило, не обсуждаются. Их заменяет общее пожелание построить, наконец, «адекватную» количественную характеристику текущего качества жизни. Как будто речь идет не о выборе удобных количественных характеристик объективно протекающих социальных

процессов и их субъективной оценки, а о поиске «смысла жизни»; и как только он откроется, сразу все всем станет ясно.

Множественность представлений о качестве жизни и отсутствие у них общей части заставляет предположить наличие в жизни социума глубинной проблемы.

Исследователи качества жизни в поисках почвы под ногами обращаются к формальной логике, что является аспектом когнитивного подхода¹⁰. Они выстраивают совокупность опорных ориентиров. Последняя организуется, например, в виде дихотомической структуры: **единое – многообразное, инвариантное – неинвариантное, объективное – субъективное, целостное – фрагментарное**¹¹. Далее авторы классифицируют известные им индикаторы по группам сообразно перечисленным категориям. Они не отвлекаются на анализ полноты, операциональности и т.д., выстроенной в избранных категориальных парах классификации, но завершают публикацию заявлением, что ими «найжены оптимальные логические базальты, которые положены в основу исследования по разработке методологии формирования системы статистических показателей качества жизни населения с целью разрешения возникших противоречий».

Практика в своем развитии не ограничивается рамками логики классической. Психология показывает, что человек есть сложное диалектическое единство сознательного и бессознательного. Сферы личностного и бессознательного живут в собственных логиках, отличных от логики рациональной, активно влияя в своем взаимодействии на поведение человека¹². Существует также трактовка полилогизма, связанная с различием в классовых интересах внутри социума¹³. Словом, социум полилогичен.

Несомненно, категориальный анализ – мощное орудие познания. Однако он же констатирует, что число категорий (различных для разных областей науки) весьма велико и пока не выявлено. Кроме того, «не все категории бытия представлены в человеческом рассудке... Все-таки структура категорий бытия всегда только угадывается, и именно по изменениям, которые испытывают категориальные понятия прогрессирующего познания предмета»¹⁴.

В отношении инструментализации понятия качества жизни когнитивный подход с его угадыванием не выглядит безальтернативным. Вероятно, большую конструктивность можно предположить в отношении деятельностного подхода и его современных вариаций: системомыследеятельностного (СМД) подхода¹⁵, субъектно ориентированного¹⁶, жизнемыследеятельностного¹⁷, в состав которых интегрирован мощный инструмент системного подхода.

В когнитивном подходе высшей ценностью является познание. Вопрос – «зачем нужно изучать характеристики качества жизни?» – неуместен. В деятельностном же подходе высшей ценностью является реализуемость намеченного результата. Здесь вопрос «зачем?»

первостепенен. Ответ очевиден – чтобы управлять социальными процессами. В терминах качества жизни может выстраиваться «общественный договор» между управляющей и управляемой частями социума. Тогда понятно, зачем множество зарубежных и отечественных ученых занимается построением критериев качества жизни и почему для этого находится финансирование. Поддержка исследований характеризует общественную потребность в постоянном повышении профессионализации института управления. Вопрос разработки инструментария может быть отделен от вопроса его выбора и применения. Последнее зависит от конкретной социальной и политической ситуации, оцениваемой уже соответствующими уровнями институтов власти (национальными правительствами).

Ориентация на деятельность и реализуемость заставляет нас отстраниться от когнитивно-логического подхода, обсуждавшегося выше (признавая, впрочем, правомерность его использования, а также значимость получаемых с его помощью результатов – мы еще обратимся к ним ниже) и сосредоточиться на возможностях деятельностного подхода.

Нам предстоит дать ответы на вопросы:

- 1) Кто собирается управлять с помощью искомых критериев?
- 2) Управлять с какими целями, в чьих интересах?
- 3) Каким контингентом?
- 4) В каких условиях?
- 5) Каковы масштабы управляемой деятельности?
- 6) Каковы предполагаемые методы управления?

Остановимся на методологической стороне исследований.

Из сказанного вытекает необходимость проблематизации количественной характеристики предмета исследования. Придется говорить уже не о **качестве** жизни, а о его **характеристиках**, поскольку при варьировании ответов на вышеприведенные вопросы содержание понятия «качество жизни» неизбежно меняется из-за ориентации на достижение целей конкретных субъектов. В зависимости от ответов востребуются разные аспекты предмета. Поэтому с точки зрения многообразной и многоуровневой социально-управленческой практики бессмысленно выстраивать единую всеобъемлющую характеристику жизни индивида в социуме, если только под социальным управлением не подразумевать тривиальное манипулирование сознанием управляемого контингента.

При оценке характеристик качества жизни, его различных параметров использовать представления об индивидуальности и о включающем ее коллективном субъекте. Теория и практика зависят от картины мира, в котором данная практика осуществляется. Никакая стадия развития познания не исчерпывает мир, за его «горизонтом» присутствуют непознанные феномены. Включение их в практику, а затем и в теорию (или наоборот) меняет представ-

ления о мире. В зависимости от акцента на различных аспектах отношения субъекта познания и объекта различают ряд последовательных ступеней уточнения картины мира: классический, неклассический, постнеклассический мир¹⁸. В последней парадигме субъект приходит к пониманию того, что представление об объекте существенно зависит и от его внутреннего состояния. Внешний и внутренний миры субъекта рядопологаются в пространстве интегрального мира¹⁹. Внутренний мир субъекта из вносящего помехи «обстоятельства исследования» перерастает в важную часть его содержания. За объектами внешнего мира остается роль инструментальных средств, обеспечивающих выразимость, сравнимость, воспроизводимость и «объективность» получаемых результатов.

Переход от одной онтологии к другой не происходит с нормативностью перехода на летнее или зимнее время. Различные виды научных исследований и практик веками сосуществуют. Расширенный горизонт дает его обладателю потенциальное стратегическое преимущество, его нужно уметь реализовать. Социальный понятийный и транзакционный инструментариий разрабатывается и применяется до сих пор, в основном, в классической субъект-объектной онтологии XIX в. Однако способ зарождения, существования и, возможно, целенаправленного конструирования устойчивых социальных и общекультурных институтов может быть понят только в онтологии постнеклассической.

Перейдем к первому из заявленных выше вопросов — кто будет управлять с помощью критериев качества жизни?

Его целесообразно трактовать как вопрос о природе коллективной субъектности в контексте не только сиюминутного социального бытия, но и творения собственной истории, управления, определяющего запас жизнеспособности как отдельных стран европейской культуры, так и социума в целом. Общими для них оказываются неопределенность «архитектуры», функциональности, целей, их стабильности, перспектив развития, продолжительности жизненного цикла, да и самого факта существования коллективных субъектов деятельности больших социальных масштабов.

Предположим, что субъектность, начинающаяся с самоидентификации и включающая базирующуюся на ней осознанность предпринимаемых субъектом действий, позволяет в пределах когнитивного горизонта эпохи удерживаться от значимых нарушений целостности управляемой субъектом культурной организованности.

Однако укажем на актуальную небезобидную тенденцию. В современном дискурсе (предопределяющем практику!) «идея управления заменила собой идею организации»²⁰. Из всего метадействительностного континуума, включающего организацию, руководство и управление, в управленческой практике сегодня ставка обычно делается на последний — оперативный (принадлежащий

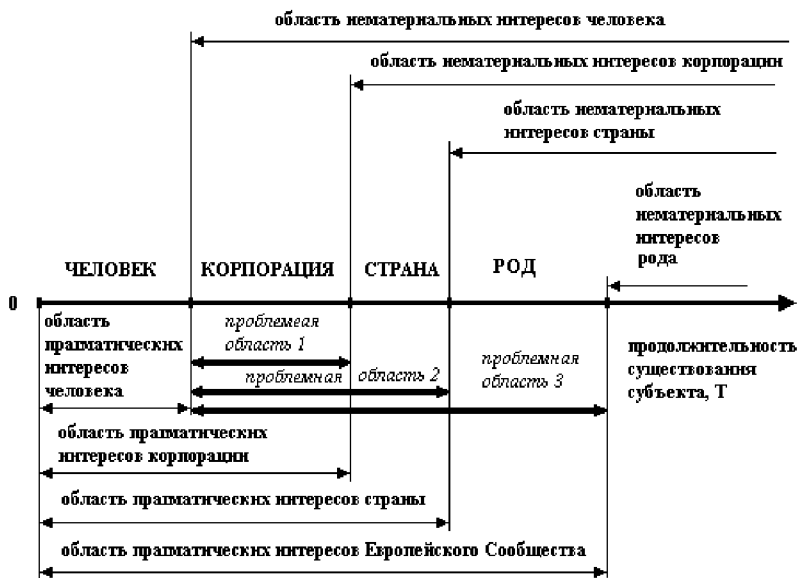

Рис. 1. Темпоральная локализация прагматических и нематериальных интересов человека и ряда коллективных субъектов — стран традиционных культур.

краткосрочному временному горизонту) элемент, наиболее удаленный от стратегического видения ситуации — «ручное управление». В этом случае управление становится «догоняющим», следовательно, высокзатратным.

Таким образом, речь идет об управлении системой с целесообразно изменяемой (в ситуативно достижимых пределах) структурой и ситуативно же реформируемым портфелем целей. Сложность ситуации состоит даже не в выборе инструментария изменения структуры и процедуры пересмотра целей, а в распределенности субъекта управления и нестабильности его самоидентификации. При этом большинство ценностей перестает быть константами, ибо «понятие ценности выполняет функцию маскировки разрыва между культурными ставками и общественными интересами»²¹.

В связи со сказанным предлагается на первом этапе наметить подходы к рассмотрению феномена коллективной субъектности и выделить возможные области, направления, механизмы ее актуализации. Ведь именно иерархически организованные субъекты формируют параметры качества жизни членов социума.

Начнем со структурного представления субъектности в пространстве временных масштабов. Поскольку важными функциями субъекта являются анализ ситуации, построение стратегии и тактики, затронем понятие кортежа временных горизонтов, в которых предполагается их осуществление.

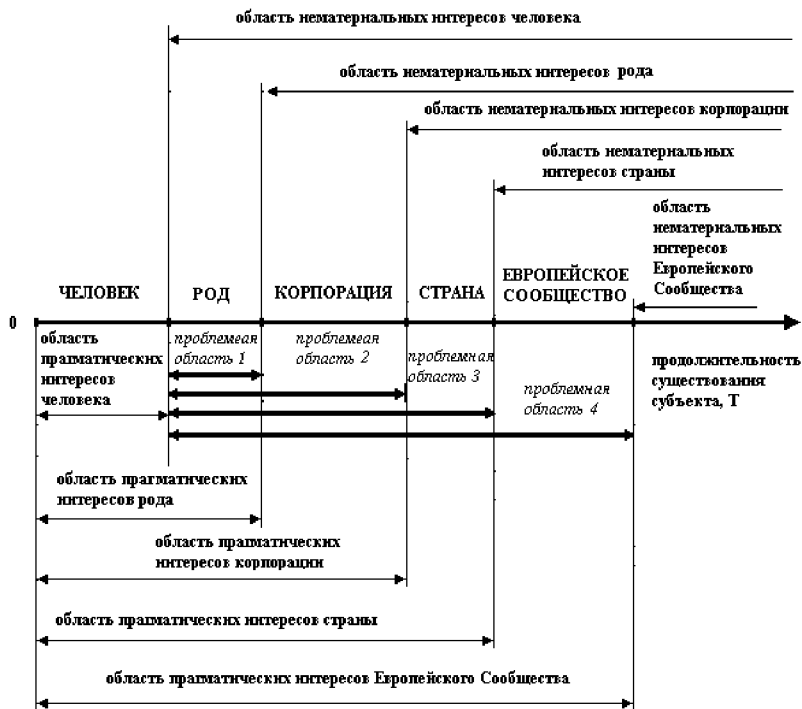

Рис. 2. Темпоральная локализация прагматических и нематериальных интересов европейского человека и ряда коллективных субъектов Европы.

Сформировавшийся в социуме иерархически организованный институт коллективного субъекта пронизан взаимными влияниями уровней иерархии, ранжированных сообразно кортежу доступных этим уровням временных горизонтов. Подняться на вершину управленческой пирамиды наибольшие шансы имеет субъект, обладающий самой длинной программой действий. На рис. 1 и 2 представлены темпоральные кортежи для социума традиционной и европейской культур. Они различаются положением рода (семьи) в иерархии. Если в традиционной культуре род суверенен, то в европейской культуре семья попала в подчиненное положение по отношению к другим коллективным субъектам.

Конкретный человек имеет прагматические интересы, ограниченные временной областью его жизни, а также — нематериальные интересы, определяемые культурой; иногда они именуются **духовными**. На соотношении прагматических и нематериальных интересов выстраиваются тонкие культурные (область квазиестественного) и идеологические (область искусственного) отношения.

Коллективный субъект обычно живет дольше, чем индивид. Коллективный субъект «высшего темпорального ранга» имеет

продолжительность существования большую, чем коллективный субъект «низшего ранга». Следовательно, наличествует достаточно протяженная временная область, названная здесь *проблемной*, которая, с одной стороны, заключает нематериальные интересы индивида (субъекта «низшего ранга»), и, с другой стороны, материальные интересы коллективного субъекта «высшего ранга». Любой «старший» коллективный субъект проявляет инициативу в согласовании этих интересов, отражающем его собственные прагматические потребности.

Однако его влияние на человеческий материал, составляющий коллективный субъект, не является абсолютным, особенно в демократическом обществе. Поэтому суперпозиция воплощений материальных интересов коллективных субъектов «высшего ранга» окрашивается усредненными материальными интересами управляемого субъекта «низшего ранга». Самоидентификация лиц, принимающих решения от имени коллективного субъекта, влияет на процесс реализации коллективных интересов. Она не является константой. Анализ общественной практики показывает, что типичным модусом осуществления человеческой деятельности является динамическая полилогичность. Для наблюдателя она проявляется как непоследовательность. Каков механизм ее формирования?

Выскажем гипотезу: указанная непоследовательность порождается динамическим наложением множества рефлексивных отражений себя, осуществляемых человеком на индивидуальном уровне и одновременно — им же с позиций ряда воплощений коллективных субъектов различного временного масштаба. Состав этого ряда и относительный вес отдельных его элементов определяется: 1) особенностями институциональной структурированности социума, 2) господствующей идеологией, 3) степенью рефлексивности конкретного субъекта и его склонностью к конформизму, 4) возрастом и текущими обстоятельствами индивида. Подвижность фокуса самоидентификации лица, принимающего решения, на шкале масштаба коллективной субъектности определяет степень непоследовательности в осуществляемой им деятельности.

Важной интегральной характеристикой оказывается рефлексивный профиль коллективного субъекта, управляемого неким лицом, принимающим решения, понимаемый как текущая «спектральная характеристика» социальной активности последнего, отнесенной к шкале временных лагов планируемых действий.

Инструмент полевых исследований распределенной субъектности (социальной самоидентификации) разработан в социологии (опросы, фокус-группы, идентификация ритуалов), но более надежными представляются результаты, базирующиеся на сопоставлении повседневной речевой и деятельностной практики (включая лингвистический анализ массовых коммуникаций).

В качестве примера социального феномена, ухватываемого данным инструментарием, укажем на сжатие стратегической перспективы коллективного субъекта, которой объясняется расцвет теневого (криминальных) явлений, характерный для кризисной истории страны (см. вопросы 1, 2, 6 выше).

В составе современной Control Science наблюдается обособление раздела управления развитием крупномасштабных систем. «Крупномасштабные системы – это класс сложных (больших) систем, характеризующихся комплексным (межотраслевым, межрегиональным) взаимодействием элементов, распределенных на значительной территории, требующих для развития существенных затрат ресурсов и времени». К ним относятся в первую очередь «топливно-энергетический комплекс и отдельные его отрасли, транспортные, аграрно-промышленные, территориально-промышленные, региональные и отраслевые системы, холдинги, концерны, финансово-промышленные группы»²². Принципы и методы управления ими имеют особенности в сравнении с принципами и методами управления рядовым предприятием, что и явилось причиной возникновения соответствующей дисциплины.

Возникает необходимость классификации крупномасштабных систем с одновременной детализацией их специфических свойств и вытекающих отсюда запросов к управлению (см. вопрос 5 выше). Разработка управленческого инструментария осуществляется на основе формируемой модели управляемой системы соответствующего класса. Необходимость учета масштабного фактора в выстраивании моделей можно проиллюстрировать картографическим примером. Область земной поверхности небольшого размера с достаточной для практики точностью представима в виде плоской карты. При увеличении отображаемой площади возрастает методическая погрешность, что заставляет при вычерчивании карт выбирать тот или иной метод проецирования, минимизирующий определенные составляющие погрешности. Очевидно, при моделировании хозяйственно-экономических и социальных систем различного масштаба и разработке регламента управления ими требуется учет различного набора факторов и различных инструментарий.

Пространство существования человеконаселенных систем является продуктом многовекового развития цивилизации. Оно имеет ряд отчетливо выраженных дискретных уровней, соответствующих административному устройству, ведь действие институтов, определяющих его различные свойства, детерминировано административными, этническими, культурными границами, меняющимися с ходом истории. Следовательно, оно еще и нестационарно. Описываемое пространство анизотропно: условия коммуникации «сверху вниз» и «снизу вверх» существенно различаются между собой и не совпадают с условиями коммуникации «по горизонтали». Таким образом, первостепенным индикатором

необходимости учета тех или иных факторов институциональной среды (см. вопрос 4 выше) при моделировании хозяйственно-экономической системы оказывается ее масштаб.

Аспект темпорального масштаба в управлении в наибольшей степени соотносится с вышеприведенным вопросом о целях управления (см. вопрос 2 выше). Цели могут быть краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными, или стратегическими.

При реализации краткосрочных целей принимаются во внимание субъективные критерии качества жизни, характеризующие удовлетворенность населения условиями своей жизни и их динамикой. При реализации долгосрочных целей необходимо опираться на объективные критерии, например, на демографическую статистику.

Для достижения целей любого уровня требуется обеспечивать достаточный уровень здоровья населения. При этом необходимо различать индивидуальное и общественное здоровье. Результатом первого является индивидуальное долголетие, результатом второго – прокреационная состоятельность страны, т.е. расширенное или хотя бы простое воспроизводство ее коренного населения. Парадоксально, что условия их достижения могут не совпадать²³.

Сегодня управление в наибольшей степени отработано на хозяйственно-экономической практике промышленного предприятия. Однако эта деятельность не покрывает всей совокупности человеческого опыта. Активность существующих систем выходит за рамки хозяйства и экономики. Начиная с некоторого размера системы этим невозможно пренебрегать. Уже средние и крупные предприятия вынуждены уделять внимание социальным аспектам функционирования. В зависимости от текущей конъюнктуры субъекты деятельности то создают объекты социального назначения в собственной структуре, то передают их в муниципальную собственность.

Более крупные образования – мегаполисы, регионы, страны и группы стран – претендуют на статус субъектов истории. Это значит, что они должны обладать способностью длить свое существование на протяжении временных интервалов, значительно превышающих длительность отдельной человеческой жизни или этапа экономического развития. Хозяйственно-экономическая деятельность ими осуществляется, она важна. Социальные действия также значимы, они складываются в исторические события. Но все же базовой для субъектов истории является прокреационная деятельность, т.е. воспроизводство населения. Последнее, собственно, и ведет хозяйство, отражаемое в экономических показателях, осуществляет социальные действия. Хозяйственно-экономический потенциал не конвертируется напрямую в демографическую успешность, о чем свидетельствует текущая ситуация всех развитых стран европейской культуры, а также России. Кроме того, окружающая среда деградирует.

На основании сказанного могут быть выделены перечисляемые в порядке нарастания масштаба четыре класса моделей систем, соответствующих следующим пространствам: А) хозяйственно-экономической деятельности, В) социальной деятельности, С) пространству истории, Д) планетарному пространству.

Критерием отнесения системы деятельности и осуществляющего ее субъекта к тому или другому классу служат последовательные ответы на вопросы: входит ли в условия устойчивого функционирования рассматриваемой системы достижение и/или поддержание:

А) хозяйственно-экономической состоятельности?

В) также и социальной состоятельности?

С) также и состоятельности рекреационной?

Д) также и состоятельности экологической?

Таким образом, при организации, руководстве и управлении предлагается различать подсистемы нижнего, среднего, верхнего и высшего классов, и соответственно группировать используемые в управлении оценки параметров качества жизни.

Социум включает подсистемы трех нижних классов; он гармоничен, если состояние потоков обмена производимой продукцией и человеческими ресурсами между наличными системами позволяет им находиться в зоне устойчивого функционирования/развития. Устойчивым будем называть развитие системы, реализующее область ее состояний, находясь в которой система не получает новых ограничений на срок существования в дополнение к ограничениям, запланированным на этапе ее институционального проектирования, в некотором диапазоне изменений среды. Данное состояние может быть одной из целей управления (см. вопрос 2 выше). Перечисленные процессы и состояния отчетливо фиксируются существующим институтом статистики натуральных показателей. Устойчивая гиперсистема глобального социума, «трехэтажная» дескриптивная модель которой приведена выше, является в идеале целостной.

Итак, мир европейской культуры представляет собой гиперсистему, включающую 3 уровня подсистем. Системы нижнего класса могут быть описаны в финансово-экономических переменных; среднего – в социальных; верхнего – в рекреационных. Именно в этих переменных (параметрах порядка) следует устанавливать цели систем каждого класса. В каждом случае переменные двух других классов оказываются вспомогательными. Инструменты моделирования, планирования, управления системами различных классов оказываются различными. Пренебрежение этим обстоятельством – **зауживание горизонта управления социумом** в сравнении с его масштабом – вызывает неустойчивость совокупной гипер-системы. Она впадает в режим колебаний (возможно, расходящихся), описываемый в экономическом плане циклами Жюгляра, Китчина, Кондратьева, Кузнецца, в социальном плане – флуктуациями напряженности, волнениями, революциями и ре-

ставрациями, в историческом плане – необратимой депопуляцией стран европейской культуры, и в перспективе – хроническими силовыми конфликтами со странами традиционных культур за ресурсы выморочных территорий. Дестабилизация социума выводит численные значения для человека характеристик качества жизни из допустимых пределов. Стабилизация требует управляющих воздействий по финансово-экономическим, социальным и рекреационным параметрам, осуществляемых с учетом знаний о перекрестных связях между подсистемами.

**хозяйственно-экономическая
деятельность**

социальная деятельность

рекреационная деятельность

человек

род

корпорация

государство

**европейское
сообщество**

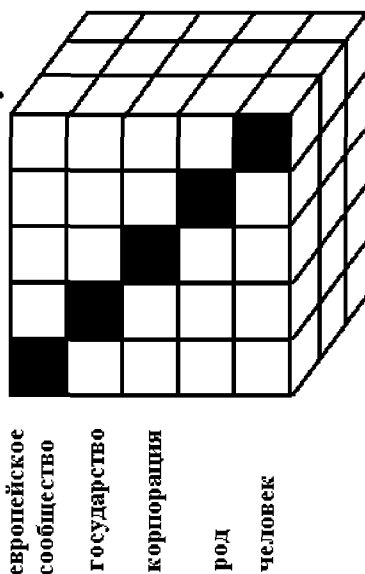

Рис. 3. Матричный конфигуризатор формирования критериев качества жизни.

Управление с использованием критериев качества жизни (как и любых других) может быть эффективным лишь при наличии обратной связи. Поэтому важно обеспечить двухстороннюю коммуникацию между индивидом и коллективными субъектами различных уровней, постоянное дискутирование и обновление содержания критериев качества жизни, используемых в их взаимодействии. Матричный конфигуризатор такой коммуникации, осуществляемой с привлечением научных сил (например, в форме гуманитарной экспертизы), показан на рис. 3. Подобная коммуникация запускает процессы рефлексии, которые могут при достижении критического уровня рефлексивности стать системообразующими для коллективного субъекта любого уровня.

Важнейшей задачей сегодняшнего дня для общеевропейского сообщества является выработка системы критериев качества жизни, ориентируясь на которую оно сможет развернуть работу по возвращению себе качества прокреационной состоятельности. Предлагаемые современными зарубежными исследователями критерии непригодны для этой цели, поскольку указывают на наивысшее качество жизни для развитых, но прокреационно несостоятельных государств. Инструментализацию понятия характеристик качества жизни следует осуществлять в постнеклассической онтологии, в современных модификациях системно-деятельностного подхода, в контексте управления «устойчивым» развитием европейского социума в целом и его отдельными уровнями в рамках трансдисциплинарного дискурса, организуемого и поддерживаемого в силу прокреационного императива индивидуальными и коллективными субъектами наличного спектра пространственных и темпоральных масштабов социума.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Демографический переход – «... состоит в резкой смене роста на режим стабилизации населения» (*Катица С.П.* Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. – М.: ЛЕНАРД, 2008. – С. 2, 39).

² *Венедиктов Д.Д.* Очерки системной теории и стратегии здравоохранения. – М., 2007. – С. 155.

³ *Латухина К.* Будет ли «Аль-Каида» править миром. Все ясно. <http://vy.sf-online.ru>. 2005. № 36. – С. 26 – 28.

⁴ *Бжезинский З.* Еще один шанс. – М.: Международные отношения, 2007.

⁵ См.: *Катица С.П.* Очерк теории роста человечества.

⁶ *Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л.Ф. Ильичева и др.* – М.: Советская энциклопедия, 1983.

⁷ *Гроф С., Ласло Э., Рассел П.* Революция сознания. Трансатлантический диалог. – М.: АСТ, 2004. – С. 18 – 19.

⁸ Практические задачи социального государства по обеспечению качества жизни населения Российской Федерации: Сборник научных докладов и статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции «Качество жизни россиян: реализация национальных проектов через сотрудничество власти, науки, бизнеса и общества. – М.: Муниципальный мир, 2008.

⁹ *Arrow K.J.* Social Choice and Individual Value. – N. Y.: Wiley, 1951.

¹⁰ Когнитивный подход / Под ред. *В.А. Лекторского.* – М.: КАНОН+, 2008.

¹¹ *Петрова А.Т., Конушенко Л.А., Рукосуева Т.В.* Логические основы формирования индикаторов качества жизни // *Философские науки.* 2006. № 11. – С. 125 – 137.

¹² *Сивевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А.* Социальное бессознательное. – СПб.: Питер, 2005.

¹³ *Мизес Л.* Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. – М.: Экономика, 2000.

¹⁴ Краткая философская энциклопедия / Под ред. Е.Ф. Губского и др. – М.: Прогресс, 1994. – С. 203 – 204.

¹⁵ *Щедровицкий Г.П.* Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995.

¹⁶ *Ленский В.Е.* Исходные посыпки совершенствования системы национальной безопасности России (субъектно-ориентированный подход) // Рефлексивные процессы и управление. 2007. Т. 7. № 1. – С. 5 – 22.

¹⁷ *Реут Д.В.* Перспективы жизнемыследеятельностного подхода в методологии // Формирование новой парадигмы обществоведения. Материалы IV Кондратьевских чтений 10.05.96 г. «Краеугольные камни новой парадигмы обществоведения. Традиции и перспективы российской научной мысли». – М., 1996. – С. 105 – 109.

¹⁸ *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.

¹⁹ *Реут Д.В.* Системно-антропологическая реконструкция мифа // Методологический фронт 90-х. В чтения памяти Георгия Петровича Щедровицкого. – М.: Путь, 2000. – С. 89 – 125.

²⁰ *Турен А.* Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998. – С. 139.

²¹ Там же. – С. 73.

²² Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2008). Материалы Второй международной конференции (1 – 3 октября 2008 г., Москва, Россия). Т. 1. – М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2008. – С. 9.

²³ *Реут Д.В.* Несовпадение границ областей существования единичной и множественной ипостасей человека и некоторые демографические следствия // Мир психологии. 2008. № 3. – С. 169 – 177.

Аннотация

Важнейшей задачей сегодняшнего дня для общеевропейского сообщества является выработка системы критериев качества жизни, ориентируясь на которую можно вернуть себе качество прокреационной состоятельности. Зауживание горизонта управления внутри структурных этажей социума в сравнении с их масштабами порождает Кондратьевские циклы, социальные кризисы и депопуляцию развитых стран.

Ключевые слова:

качество жизни, прокреация, депопуляция, семья, институт, рождаемость, демографический переход, Европейская культура, Россия, информация.

Summary

At present the most important point of Western civilization is elaboration of life quality criteria system which can be used for reconstructing procreation competency. Control horizon reduction inside socium stratum in comparison with its scale raises Kondratiev cycle conjuncture oscillations, social crises and developed countries depopulation.

Keywords:

quality of life, procreation, depopulation, family, institution, birth-rate, demography transition, European Culture, Russia, information.